

Научная статья

УДК 811.161.1'367

DOI 10.17223/18137083/84/22

**К постановке тире в биноминативном предложении:
случаи сравнительного союза и отрицания
при сказуемом**

Михаил Яковлевич Дымарский

Российский государственный педагогический университет имени А. И. Герцена
Санкт-Петербург, Россия

Институт лингвистических исследований Российской академии наук
Санкт-Петербург, Россия

dym2005@list.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1796-7686>

Аннотация

Обсуждаются принципы изучения пунктуационной практики, в частности отбора материала в зависимости от целей изучения. Показано, что для кодификатора изучение практики некомпетентных носителей языка нецелесообразно. Утверждается, что формулировки пунктуационных правил должны поддаваться алгоритмизации и что в своде правил регистрирующий подход, фиксирующий противоречащие друг другу тенденции пунктуационной практики, должен быть исключен. Показано, что учет интонационного принципа пунктуации помогает выявить реально действующую норму постановки тире в биноминативном предложении и позволяет зафиксировать ее в новой компактной формулировке правила.

Ключевые слова

русский язык, пунктуация, интонационный принцип, норма, кодификация, биноминативное предложение, тире

Благодарности

Исследование выполнено в рамках проекта «Создание проспекта научно обоснованного свода правил русской пунктуации» по гранту РФФ № 22-28-01397

Для цитирования

Дымарский М. Я. К постановке тире в биноминативном предложении: случаи сравнительного союза и отрицания при сказуемом // Сибирский филологический журнал. 2023. № 3. С. 312–324. DOI 10.17223/18137083/84/22

© Дымарский М. Я., 2023

ISSN 1813-7083

Сибирский филологический журнал. 2023. № 3. С. 312–324

Siberian Journal of Philology, 2023, no. 3, pp. 312–324

A dash in a binominative sentence: cases of a comparative conjunction and negation before the predicate

Mikhail Ya. Dymarsky

Herzen State Pedagogical University of Russia
St. Petersburg, Russian Federation

Institute for Linguistic Studies of the Russian Academy of Sciences
St. Petersburg, Russian Federation

dym2005@list.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1796-7686>

Abstract

This work discusses the principles of studying the punctuation practices. Particular attention is paid to the selection of material depending on the study objectives. It is shown that developing a codifier does not require studying the practices of incompetent native speakers. It is argued that formulating the punctuation rules should be algorithmizable due to the multifactorial nature of most punctuation rules. When dealing with multiple factors at once, the user is inevitably faced with the question of the order in which to perform the relevant operations. Therefore, capturing the conflicting trends of punctuation practice, the registering approach should be excluded from the rulebook, as it would not allow for the algorithmization of rule application. The fixation of opposite tendencies in some rules of the current code does result in the inapplicability of the rule and its ignorance in punctuation practice. This fact is illustrated by two notes to the rule on a dash in a binominative sentence: when a comparative conjunction or a negation is present. Analyzing the data from the National Corpus of the Russian Language has revealed that the actual norm ignores these notes and relies on the intonational characteristic of the binominative sentence. This study demonstrates that taking into account the intonation principle of punctuation contributes to identifying the actual norm of dash placement in a binominative sentence and allows it to be fixed in a new compact formulation of the rule.

Keywords

Russian language, punctuation, intonation principle, norm, codification, binominative sentence, dash

Acknowledgements

The research was carried out within the framework of the project “Creation of a prospectus of a scientifically based set of rules for Russian punctuation” supported by a grant from the Russian Scientific Foundation no. 22-28-01397

For citation

Dymarsky M. Ya. A dash in a binominative sentence: cases of a comparative conjunction and negation before the predicate. *Siberian Journal of Philology*, 2023, no. 3, pp. 312–324. (in Russ.) DOI 10.17223/18137083/84/22

Пунктуационные правила в большинстве своем многофакторны: для того чтобы принять конкретное решение, требуется учесть сразу несколько факторов, причем важно, чтобы была ясна последовательность принятия их во внимание. Исключение составляет, например, правило о выделении / отделении запятыми (или восклицательным знаком) междометий: наличие междометия уже является достаточным фактором для принятия решения; но подобных правил немного.

Формулировки многофакторных правил должны поддаваться алгоритмизации. Ситуации, когда примечание к правилу, вводящее дополнительный фактор, уничтожает возможность его алгоритмизации, должны быть исключены. Случаи, до-

пускающие относительно свободный выбор пунктуационного решения, должны быть прокомментированы таким образом, чтобы пишущий мог ясно представлять, каковы плюсы, минусы и следствия каждого из возможных вариантов; другими словами, и здесь должна быть предусмотрена возможность алгоритмизации.

Регистрирующий подход в своде правил должен быть исключен. Правила должны носить исключительно предписывающий, а не констатирующий характер. Таковы требования, из которых целесообразно исходить кодификатору (подробнее см. [Дымарский, 2021б]).

Последний тезис может показаться самоочевидным; между тем отнюдь не единичны работы, в которых прескриптивный принцип рассматривается как едва ли не устаревший: «Наметились признаки отхода русской пунктуационной нормы от прескриптивной модели в направлении к дескриптивно-ориентированным основам» [Биянова, 2010, с. 5]. Под это подводится и теоретическое обоснование: «Язык динамичен, между пунктуационной нормой и практикой употребления знаков препинания (узусом) имеют место расхождения, и наличие таких отступлений и колебаний выступает фундаментальным признаком пунктуационной системы» [Там же, с. 8]. Стоит отметить, что в утверждении о динамичности языка вообще и пунктуационной системы в частности автор отнюдь не одинок: в этом отношении он следует положениям Б. С. Шварцкопфа [1988], Н. Л. Шубиной [1999] и др. Вопрос, однако, в том, каковы полезные выводы, которые можно сделать из утверждения, что наличие отступлений и колебаний является фундаментальным признаком пунктуационной системы. Эти выводы различаются в зависимости от целей, которые ставит перед собой лингвист. Для ученого, описывающего функционирование пунктуационной системы, этот вывод равен самому утверждению. Но для лингвиста-кодификатора этот вывод состоит в том, что следует стремиться к сокращению разрыва между сводом правил и пунктуационной практикой: в противном случае умножение отступлений и колебаний, бесстрастно фиксируемых дескриптивным подходом, может грозить разрушением самой системы.

Картину, которую мы имеем сегодня, удачно описывает Я. Э. Ахапкина: «...практика письменной речи грамотных носителей языка выходит за пределы школьного курса и системно игнорирует предписания кодификаторов. Письменная речь, как и устная, регулируется внутренними закономерностями, не всегда удачно отраженными в рекомендациях. Соответственно, необходимо различать два понимания “правила”. С одной стороны, это предписание кодификаторов, с другой – тенденция, отражающая принятую в пишущем сообществе практику, опирающаяся на традицию авторитетных текстов и рефлексию пишущих» [2021, с. 216]. И ниже: «Работает базовое широкое правило <...> узкая вариация с исключением <...> остается неизвестной или признается неважной» [Там же, с. 224].

Однако это лишь часть общей картины, связанная с «практикой письменной речи грамотных носителей языка». И. Е. Ким идет дальше и предлагает изучать практику полуграмотных носителей, которые составляют, как известно, абсолютное большинство и пишут, например, так:

(1) *Как оказалось ППС, отлично подвержен модернизации и на него можно устанавливать телескопический приклад и коллиматорный прицел* [Ким, 2021, с. 256] (ППС = пистолет-пулемет Судаева), –

т. е. допускают двойную ошибку, не выделяя вводное предложение и ставя ничем не мотивированную запятую между составами подлежащего и сказуемого. По мнению автора, возможна альтернативная интерпретация этого казуса: пишущий не допустил ошибку, а «отделил вводную предикативную единицу, однако с точки зрения коммуникативного членения отделяемая по правилу синтагма слишком коротка для отделения, поэтому автор перенес запятую на графическое слово вправо, сформировав приемлемую с количественной точки зрения синтагму. Таким образом, автор нашел компромисс между грамматическим и коммуникативным членением, поставив ПЗ (пунктуационный знак. – М. Д.) для грамматического членения, но сдвинув его в пользу коммуникативного» [Ким, 2021, с. 256]. Из каких критериев краткости или достаточности длины синтагмы для ее отделения нужно при этом исходить – не объясняется; каким образом синтагматическое членение связано с коммуникативным – тоже (хотя эта связь далеко не всегда очевидна); что позволяет утверждать, что пишущий стремился отделить вводный компонент, но «перенес запятую» (?!!), – тоже нет. По-видимому, в постулируемой И. Е. Кимом «пунктуации слушающего», опирающейся на подход, который автор именуется «семасиологическим описательным», подобные критерии и не должны раскрываться: ведь речь идет о том, из чего исходил сам пишущий, а это известно – если известно – только ему...

Свобода интерпретаций, открывающаяся на этом пути, весьма заманчива, но непонятно, кому и зачем она нужна. Показательно, что утверждение автора, согласно которому «семасиологический» подход «предполагает первоначальное наличие коммуникативной и смысловой задачи, для которой говорящий / пишущий должен найти адекватное языковое выражение» [Там же, с. 253], не находит продолжения при анализе автором примеров вроде (1) на с. 255–257, где понятия «коммуникативной и смысловой задачи» не упоминаются ни разу.

Возможна альтернативная предлагаемой И. Е. Кимом интерпретация: пишущий поставил запятую там, где, по его мнению, при чтении фразы делается пауза. Это предрематическая пауза, сопровождаемая подъемом тона на теме (*ППС*). При такой интерпретации начинает даже просматриваться простейшая «коммуникативная и смысловая задача», которую стремился решить пишущий: подчеркнуть коммуникативное членение высказывания. Беда лишь в том, что ни пунктуационной практикой грамотных носителей языка, ни кодифицированной нормой такой способ подчеркивания коммуникативного членения не предусмотрен; это не отступление, не колебание и не один из возможных вариантов, а ошибка. В чем смысл изучения подобных ошибок? Для их предупреждения создаются методические пособия, справочники; свод же правил пунктуации должен стремиться к возможно более полному и точному отражению нормы, но не узуса, тем более – его заведомо некомпетентной составляющей.

Употребляя вслед за Л. В. Щербой выражение «окаменелость языка», автор пишет, что она «в нормативном подходе связана с тем, что в нем подпадающая под описание пунктуационная практика сужается до той, которая одобряется пунктуационной нормой» [Там же, с. 254], в то время как «семасиологический описательный подход допускает множественность интерпретации пунктуационного оформления текста, а также оценивает не только нормативность принятого пунктуационного решения, но и его эффективность при разрешении пунктуационных ситуаций, к которым относятся ситуации членения и организации текста» [Там же, с. 256]. Ключевым здесь является понятие пунктуационной нормы, которое И. Е. Ким, судя по всему, приравнивает к своду правил, к кодификации – так

же, как и М. В. Биянова (см. выше). Это не представляется верным, и прежде всего потому, что применительно к пунктуации целесообразно говорить не о бинарной оппозиции узуса и нормы (= кодификации), а о тернарной: узус – норма – кодификация.

А. Д. Шмелев пишет: «В триаде узус – норма – кодификация непосредственному наблюдению подвержены первый и последний члены триады: реальная речевая практика носителей языка и описание языковой нормы в нормативных справочниках. При этом кодификация в целом более консервативна, нежели узус. Что касается нормы, она реконструируется на основе наблюдения над узусом и соотнесения данных наблюдений как с данными справочников, так и с эксплицитными суждениями носителей нормы (образованных носителей языка)»; «само понятие о норме возникает, когда в узусе наблюдается (или хотя бы может наблюдаться) вариативность, так что у носителей языка возникает желание как-то оценить эти варианты. При этом существенно, что какие-то варианты оцениваются носителями языка как “неправильные” или хотя бы менее желательные. Для выработки нормативных рекомендаций существенно не то, какой вариант выбирает “некомпетентный” носитель языка, не знакомый с существующими рекомендациями, а то, как “компетентный” носитель языка (носитель нормы), опирающийся на рекомендации справочников и словарей, оценивает существующие варианты» [Шмелев, 2021, с. 17]. Пунктуационная норма не всегда задана правилами: она, вообще говоря, существует независимо от них, и задача кодификатора состоит прежде всего в выявлении этой нормы и в таком формулировании правил, которое будет максимально ей соответствовать. К трактуемому таким образом понятию нормы близко и понятие «другого правила», предлагаемое Я. Э. Ахапкиной (см. цитату выше). Искать же норму в практике некомпетентного носителя языка, порождающего пунктуационные решения вроде (1), бессмысленно.

Ниже будут рассмотрены два случая, когда примечание к правилу, вводящее дополнительный фактор, уничтожает возможность его алгоритмизации. Вопрос заключается в том, каким образом эта ситуация может быть исправлена, чтобы формулировка правила была приведена в соответствие с перечисленными выше требованиями, а главное – приближена к реально существующей норме. Для этого необходимо прежде всего оценить, что в пунктуационной практике компетентных носителей языка следует считать нормой.

1. Речь пойдет об одной тонкости пунктуации в биноминативном предложении с нулевой связкой: если сказуемому предшествует сравнительный союз, то тире отменяется.

В § 15 ПАС читаем (здесь и ниже цитируется [ПАС, 2009]):

«Тире между подлежащим и именным сказуемым **не ставится**:

<...> 5. Если сказуемое выражено оборотом со сравнительными частицами *как, словно, что, точно, вроде как* и др.: *Жизнь как легенда; Небо словно раскинутый шатер; Брошка вроде как пчелка* (Ч.); *Лес точно сказка; Неделя что один день. Быстро проходит; Пруд как блестящая сталь* (Фет). Не ставится тире и при *как*, вводящем сказуемое, лексически совпадающее с подлежащим: *Льды как льды, пустыни как пустыни* (Кав.); *Деревня как деревня; Домик как домик – старенький, темный* (Шукш.).

Примечание. При акцентировании сказуемого (обычно в стилистических целях) тире возможно: *Этот одинокий и, может быть, совершенно случайный выстрел – словно сигнал* (Фурм.); *Во рту у него горько от табаку-самосаду, голова – как гиря* (Шол.); *Чернеющие прогалины – как черные острова в белом*

снежном море (Бун.); *Млечный Путь – как большое общество* (Б. Паст.); *Луна в небе – как среднеазиатская дыня* (Ток.)».

Если оставить в стороне не вполне ясную квалификацию перечисленных в начале п. 5 союзов как «сравнительных частиц»¹, главное, что вызывает сомнение в цитированном пункте ПАС, – полная неизвестность относительно того, как следует применять примечание к нему. Понятия «акцентирование сказуемого» и «стилистические цели» никак не прокомментированы, хотя они отнюдь не представляются ясными по умолчанию. Ни понять из формулировки правила, ни вывести путем анализа примеров, в каких случаях, на основании каких признаков можно считать сказуемое акцентированным, какие именно «стилистические цели» релевантны, а какие нет, – невозможно. Увидеть значимые стилистические различия между примерами с тире и без него также затруднительно; смысловые – тем более. Зато легко представить себе предложения из основной части п. 5 с тире (*Жизнь – как легенда; Неделя – что один день*), а предложения из примечания – без тире (*Луна в небе как среднеазиатская дыня*).

Примечание, таким образом, уничтожает возможность алгоритмизировать применение правила, а следовательно, фактически уничтожает и само правило. Единственное заключение, к которому может прийти читатель, сводится к тому, что «можно и так, и так»; при этом правило превращается в потенциальный инструмент необъективной оценки ученических работ.

Д. Э. Розенталь формулировал это правило сходным образом, хотя некоторые расхождения имеются:

«**Примечание.** Тире обычно не ставится, хотя подлежащее и сказуемое выражены именительным падежом существительного:

<...> 2) если в роли связки выступают сравнительные союзы *как, будто, словно, точно, всё равно как, всё равно что, вроде как* и т. п., например: *Пруд как блестящая сталь* (Фет); *Ты меж сестёр словно горлинка белая промежду сизых, простых голубей* (Некрасов); *У тебя брошка вроде как пчёлка* (Чехов); *Дома города точно груды грязного снега* (Горький).

Отступления от этого правила связаны с прежними пунктуационными нормами или с желанием подчеркнуть оттенок сравнения, содержащийся в сказуемом, например: *Тишина – как льдинка, её ломаешь даже шёпотом* (Леонов); *Твои речи – будто острый нож...* (Лермонтов); *...Такая фраза – всё равно что большой шлем в ермаше* (Тургенев); *Деревья по сторонам её – точно незажжённые факелы...* (Горький)» [Розенталь, 1997].

Отсылку к прежним пунктуационным нормам здесь по понятным причинам не рассматриваем; указание же на «желание подчеркнуть оттенок сравнения» представляется более содержательным критерием, нежели «акцентирование сказуемого» в «стилистических целях». Однако и наличие / отсутствие желания подчерк-

¹ В «Русской грамматике» упоминаются частицы, которые «совмещают значение уверенности, неясности с функцией союза, вводящего недостоверное сравнение». Их список частично совпадает со списком в цитированном параграфе ПАС (*ровно, точно, словно, будто, будто бы, как будто*), но примеры иллюстрируют их функционирование при введении сравнительного придаточного: «Проснулся он от конского топота и еще какого-то странного, незнакомого ему звука, словно били чайником о чайник (В. Иванов)» [РГ, 1980, с. 730]. Разряда или подразряда «сравнительных частиц» «Русская грамматика» не выделяет. В пособии [Былинский, Розенталь, 1961, с. 13], с § 15 которого рассматриваемый фрагмент ПАС обнаруживает заметную преемственность, эти слова названы сравнительными союзами.

нать оттенок сравнения представляет собой величину, допускающую произвольные толкования, поэтому служить надежной опорой в выборе варианта с тире или без него также не может. Единственное принципиальное различие между формулировками ПАС и Д. Э. Розенталя заключается в том, что последний рассматривает использование тире при наличии сравнительного союза как отступление от правила, т. е., строго говоря, нарушение нормы, в то время как ПАС признаёт такое тире – при названных, но неясных условиях – нормативным. Если же учесть тот факт, что К. И. Былинский и Д. Э. Розенталь в 1961 г. не упоминали о желании подчеркнуть оттенок сравнения и трактовали тире при наличии сравнительного союза только как отступление, объясняемое «влиянием прежних пунктуационных норм» [Былинский, Розенталь, 1961, с. 13], то нарастание разрешительной тенденции за полвека становится очевидным.

На фоне этой тенденции обращает на себя внимание замечание Н. С. Валгиной: «В других случаях, например при наличии сравнительного союза, тире факкультативно, оно выполняет лишь экспрессивную функцию: *Впрочем, всякое приключено, срок войны – что жизни век* (А. Твардовский); *Настоящая литература – как липовый цвет* (К. Паустовский); *Пальцы – словно канат, которым пни корчуют* (С. Крутилин). Такое тире уходит из употребления, прежде оно было нормой...» [Валгина, 1983, с. 72]. Любопытно, что два десятилетия спустя автор об этом употреблении тире уже вообще не упоминает – видимо, не относя его к актуальным проблемам современной русской пунктуации [Валгина, 2004, с. 63–67; 119–123].

О том, действительно ли «такое тире уходит из употребления», можно судить по данным НКРЯ. Поиск, правда, затрудняется тем, что в запросе приходится указывать два существительных в Им. п., между которыми имеется сравнительный союз; в результате автоматически формируется массив примеров, среди которых доминируют предложения со сравнительными оборотами или сравнительными придаточными, и отсеять их можно только вручную. Поэтому были рассмотрены данные, полученные только по трем запросам: с союзами *словно*, *как* и *будто* (дата обращения 20.12.2022). В каждом случае примеры отбирались путем сплошной выборки с первых 50 страниц выдачи. Результаты следующие:

1) *словно*: всего примеров – 77; из них с тире перед союзом – 57 (74 %), без тире – 20 (26 %);

2) *как*: всего примеров – 73; из них с тире перед союзом – 30 (41 %), без тире – 43 (59 %);

3) *будто*: всего примеров – 23; из них с тире перед союзом – 14 (61 %), без тире – 9 (39 %).

Стоит подчеркнуть, что хронологически самые ранние примеры в выборке для *словно* относятся к 2001 г., для *будто* – к 1997 г., и лишь в выборке для *как* из 43 примеров без тире перед союзом 10, а из 30 примеров с тире – 5 датированы ранее 1960 г. В совокупности эти факты позволяют с уверенностью утверждать, что тире перед сравнительным союзом в биноминативном предложении отнюдь не «уходит из употребления»: наоборот, в современном узусе оно преобладает.

Вот несколько примеров:

(2) *Этот поплавок – словно привет из далёкого советского детства* (В. Кузнецов. Путешествие к тайнам Яман-Елги // «Бельские просторы», 2013);

(3) *Ребенок – словно зеркало, словно мое отражение* (А. Волков. Девять месяцев до второй жизни // «Знание – сила», 2006);

(4) *Вельможи* ее – словно волки, терзающие добычу (Библия. Современный русский перевод. Книги Священного Писания Ветхого и Нового Завета Канонические. Ветхий завет. Книга пророка Иезекииля (2011));

(5) *А в конспекте уроков писал: «...весенние дымы – как белые журавли; они парят высоко и привольно; осенние дымы – как рябь на глади вод...»* (Е. М. Стрелков. Воздушная Арктика. Монолог-альбом // «Волга», 2009);

(6) *Этот небольшой сборничек – как привет из прошлого* (Ю. Рахаева. Как стать успешным черным котом // «Известия», 2003.02.06);

(7) *Ненависть – фатальное чувство, такое же, как любовь, но со знаком минус. Ненависть – как эпидемия* (В. Токарева. Своя правда // «Новый Мир», 2002);

(8) *Чашка кофе у распахнутого окна – будто приглашение в день, полный исполненных обещаний, предвкушений, растянутых часов и минут* (К. В. Арутюнова. Падают снег, летит птица // «Волга», 2016);

(9) *Золотые сосны – будто башни, бархатные ели – будто терема* (В. Бахревский. Сказки о братцах-ежихах // «Мурзилка», 2000);

(10) *Когда я вижу слово в книге, мне не нужно его разбирать по буквам, слово – будто рука, которая касается каких-то струн в моей душе...* (митрополит Антоний (Блум). «Я хочу поделиться с вами всем, что накопилось...» (1998–1999)).

Таким образом, нарастание разрешительной тенденции, отменившей у тире перед сравнительным союзом статус отступления от нормы, и реальный узус вполне согласуются друг с другом. Поэтому целесообразно усовершенствовать формулировку нормативной рекомендации, вернув правилу алгоритмизируемость.

Примеры (2)–(10) вполне допускают изъятие тире. При этом, безусловно, произойдут изменения, касающиеся акцентирования сказуемого и желания подчеркнуть оттенок сравнения: они станут менее ощутимы. Однако наблюдать подобные изменения затруднительно. А вот поддающимся наблюдению изменениям подвергнется при этом интонационное оформление высказывания: 1) станет менее выраженным тематический акцент ИК-3 на подлежащем; 2) исчезнет предрематическая пауза.

Вывод очевиден: «акцентирование сказуемого» (в стилистических ли, в иных ли целях), «желание подчеркнуть оттенок сравнения» – эти трудноизмеримые величины имеют вполне определенное материальное выражение: интонационное. И именно эти признаки интонирования – явный тематический акцент на подлежащем (выраженный подъем тона) и предрематическую паузу – имеют в виду пишущие, ставя обсуждаемое тире. Другими словами, реально существующая норма предполагает тире именно в этих условиях.

В [Дымарский, 2021а, с. 31] была предложена обновленная формулировка фрагмента правила, но без учета обсуждаемого в данном случае пункта. Можно ввести в эту формулировку упоминание о сравнительных союзах, но такое упоминание окажется лишним условием, потому что в реальности наличие сравнительного союза на пунктуационное решение не влияет. Следовательно, сохраняем прежний вариант: **при нулевой связке между составами подлежащего и именного сказуемого в именительном падеже ставится тире, если состав подлежащего произносится с подъемом тона, а перед составом сказуемого делается краткая пауза; при употреблении на месте нулевой связки слов *вот, это, это***

есть, а также при выражении хотя бы одного из главных членов инфинитивом подъем тона, пауза и тире обязательны.

Алгоритмизируемость применения правила при такой его формулировке очевидна. Порядок операций следующий:

1) анализируем грамматическую основу предложения: если имеется ненулевой глагол в спрягаемой форме, то правило неприменимо; если связка нулевая и хотя бы один из главных членов выражен инфинитивом – ставим тире; при других способах выражения главных членов –

2) проверяем наличие слов *вот, это, это есть*: при их наличии ставим тире; при их отсутствии –

3) анализируем интонационное оформление предложения (произносим его (мысленно) вслух): если состав подлежащего произносится с явным подъемом тона, а перед составом сказуемого имеется краткая пауза – ставим тире; в противном случае тире не ставим.

2. Теперь рассмотрим еще один важный пункт того же параграфа:

«§ 15. **Тире** между подлежащим и именным сказуемым **не ставится**:

<...> 3. Если при сказуемом-существительном имеется отрицание: *Пейзаж не довесок к прозе и не украшение* (Пауст.); *Россия не Петербург, она огромная* (Пришв.); *Старость не радость* (посл.). Однако при противопоставлении сказуемое с отрицанием требует постановки тире (не... а): *И в то же время замечал, что он – не господин в своем доме, а лишь составная часть его* (М. Г.) (ср. без противопоставления: *Он не господин в своем доме*)».

Казалось бы, в этой формулировке противоречий нет. Сложность можно видеть, пожалуй, в том, что, во-первых, применение правила требует знания той тонкости, что наличие противопоставления отменяет отмену тире, возникающую при наличии отрицания, а во-вторых – в многоступенчатости логических операций: сначала необходимо идентифицировать биноминативное предложение с нулевой связкой (должно быть тире), затем увидеть отрицание (тире отменяется), затем обнаружить противопоставление (тире возвращается). Возможно, именно поэтому реальный узус плохо поддерживает цитированную формулировку.

При обращении к Основному подкорпусу НКРЯ по запросу «существительное в И. п. + на расстоянии от 1 до 2 частица **не** + на расстоянии от 1 до 1 существительное в И. п.» была получена выборка, первые 14 страниц которой включают 256 вхождений (дата обращения 15.01.2023). После отсеивания «шума» осталось 114 вхождений, из них с тире – 57 (50 %). Из 57 примеров с тире противопоставление имеется лишь в 13 (11 % от общего количества вхождений, 23 % от количества примеров с тире). В 44 случаях из 57 (77 %), таким образом, тире «незаконно», так как противопоставление при отрицании отсутствует.

Вот примеры с таким «незаконным» тире:

(11) *Но книга – не развёрнутая справка и не письмо* (И. Э. Кио. Иллюзии без иллюзий (1995–1999));

(12) *Стоял дебаркадер на реке Вологде, ниже так называемой Золотухи, про Золотуху тут пелось: «Город Вологда – не город, Золотуха – не река», далее там непристойность идёт...* (В. Астафьев. Затеси (1999) // «Новый Мир», 2000);

(13) – *Нет, братушка, ты – не дурак*, – искренне сказала Катерина (Б. Екимов. Пиночет (1999));

(14) *Ведь это – не описка и не результат небрежности* (А. Мильчин. В лаборатории редактора Лидии Чуковской // «Октябрь», 2001);

(15) *А он что? Невнимание – не наказание, пережить можно* (В. Быков. Главный кривсман (2002)).

Стоит обратить внимание на то, что в примерах (13) и (14) в позиции подлежащего находится не существительное, а местоимение-существительное. Постановка тире в этом случае противоречит еще и п. 1 того же параграфа (тире не ставится, «если подлежащее выражено личным или указательным местоимением»; к этому пункту есть примечание, разрешающее тире в трех случаях: 1) «все предложение заключает в себе вопрос, сопровождаемый удивлением», 2) «при подчеркивании указания на данный предмет», 3) «при противопоставлении», – но ни один из этих случаев в данных примерах не наблюдается). Кроме того, обращает на себя внимание авторство примера (14): это известнейший специалист, профессиональный редактор, автор множества пособий по редактированию, культуре издательского дела, инициатор выпуска «Справочника по правописанию и литературной правке» Д. Э. Розенталя (!) и мн. др.

Вывод из этих фактов следующий. Узус фактически игнорирует рекомендации кодификаторов: даже при наличии достаточно ясной формулировки (правда, предполагающей многоступенчатую аналитическую процедуру) пишущие руководствуются не ею, а своим ощущением, интуицией: здесь напрашивается тире, предложение без него «не смотрится». Если же вдуматься, что стоит за этими «не смотрится, напрашивается», то придется признать, что пишущим необходимо зафиксировать интонационный рисунок, предполагающий выраженный подъем тона (ИК-3) на составе подлежащего и предрематиическую паузу перед составом сказуемого.

Следовательно, в реальной практике письма наличие отрицания при сказуемом не оказывает существенного влияния на пунктуационное оформление биноминативного предложения. Решающую роль играет требующийся пишущему интонационный рисунок. За этим интонационным решением в разных случаях могут скрываться различные факторы: и желание подчеркнуть оттенок сравнения, и акцентирование сказуемого, и стремление подчеркнуть противопоставление, выраженное или подразумеваемое, – но интонация оказывается действенным средством, сигнализирующим о повышенной смысловой нагрузке на составе сказуемого. Именно интонационный фактор позволяет с достаточной мерой надежности определить наличие этой повышенной смысловой нагрузки, подчеркнутую расчлененность высказывания, и нет никаких оснований не учитывать это положение дел при формулировании правила. Как и в предыдущем случае, реально действующая норма предполагает тире при указанных условиях, независимо от наличия или отсутствия отрицания и противопоставления при нем.

Таким образом, рассматриваемый случай – наличие отрицания при сказуемом – следует учесть в приведенной выше формулировке, тем более что для этого в нее не придется вносить никаких изменений: решающий фактор – выраженный подъем тона на составе подлежащего и пауза перед составом сказуемого – в ней уже зафиксирован, а наличие или отсутствие отрицания при сказуемом, как было показано выше, существенным фактором для принятия пунктуационного решения не является. Соответствующий пункт правила при этом опускается за ненужностью; формулировка становится более лаконичной, а главное – соответствующей реально существующей норме. При желании можно добавить к формулировке

примечание о том, что наличие отрицания или сравнительного союза на принятие пунктуационного решения не влияет.

3. Интонационный принцип, признаваемый действенным в существующей теории пунктуации, должен учитываться при кодификации более широко. Как показано выше, в некоторых случаях учет интонационного оформления высказывания помогает выявить реальную пунктуационную норму, сложившуюся в практике компетентных носителей языка, что может служить надежной опорой для кодификатора.

Список литературы

Ахапкина Я. Э. Иерархия пунктуационных правил: пределы усвоения // Тр. Ин-та русского языка им. В. В. Виноградова РАН. 2021. № 3. С. 215–226.

Биянова М. В. Пунктуационные системы: синхронный и диахронный аспекты: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Ижевск, 2010. 24 с.

Былинский К. И., Розенталь Д. Э. Трудные случаи пунктуации. М.: Искусство, 1961. 232 с.

Валгина Н. С. Трудные вопросы пунктуации: Пособие для учителя. М.: Просвещение, 1983. 176 с.

Валгина Н. С. Актуальные проблемы современной русской пунктуации: Учеб. пособие. М.: Высш. шк., 2004. 259 с.

Дымарский М. Я. Интонационный принцип русской пунктуации и его применение в формулировках правил // Язык и метод. Русский язык в лингвистических исследованиях XXI века. VII. Русская пунктуация в коммуникативном аспекте / Ред. Д. Шумска, К. Озга. Краков: Изд-во Ягеллонского ун-та, 2021а. С. 23–33.

Дымарский М. Я. Еще раз о системности пунктуации // Тр. Ин-та русского языка им. В. В. Виноградова РАН. 2021б. № 3. С. 238–251.

Ким И. Е. Пунктуация «говорящего» и пунктуация «слушающего»: ономазиологический и семасиологический подход в пунктуации // Тр. Ин-та русского языка им. В. В. Виноградова РАН. 2021. № 3. С. 252–259.

ПАС = Правила русской орфографии и пунктуации: Полный академический справочник / Под ред. В. В. Лопатина. М.: АСТ, 2009. 432 с. URL: <http://orthographia.ru/> (дата обращения 24.12.2022).

Розенталь Д. Э. Справочник по правописанию и стилистике. М.: ИК «Комплект», 1997. URL: <http://rosental-book.ru/> (дата обращения 24.12.2022).

РГ – Русская грамматика / Отв. ред. Н. Ю. Шведова. М., 1980. Т. 1. 784 с.

Шварцкопф Б. С. Современная русская пунктуация: система и ее функционирование. М.: Наука, 1988. 191 с.

Шмелев А. Д. Вопросы пунктуации в работе Орфографической комиссии Российской академии наук: лингвистические основы кодификации // Язык и метод. Русский язык в лингвистических исследованиях XXI века. VII. Русская пунктуация в коммуникативном аспекте / Ред. Д. Шумска, К. Озга. Краков: Изд-во Ягеллонского ун-та, 2021. С. 15–21.

Шубина Н. Л. Пунктуация в коммуникативно-прагматическом аспекте и ее место в семиотической системе русского текста: Монография. СПб., 1999. 297 с.

References

- Akhapkina Ya. E. Ierarkhiya punktuatsionnykh pravil: predely usvoeniya [Hierarchy of punctuation rules: limits of assimilation]. *Proceedings of the V. V. Vinogradov Russian Language Institute*. 2021, no. 3, pp. 215–226.
- Biyanova M. V. *Punktuatsionnye sistemy: sinkhronnyy i diakhronnyy aspekty* [Punctuation systems: synchronic and diachronic aspects]. Abstract of Cand. philol. sci. diss. Izhevsk, 2010, 24 p.
- Bylinskiy K. I., Rozental' D. E. *Trudnye sluchai punktuatsii* [Difficult cases of punctuation]. Moscow, Iskustvo, 1961, 232 p.
- Valgina N. S. *Trudnye voprosy punktuatsii: Posobie dlya uchitelya* [Difficult punctuation issues: A teacher's guide]. Moscow, Prosveshchenie, 1983, 176 p.
- Valgina N. S. *Aktual'nye problemy sovremennoy russkoy punktuatsii* [Actual problems of modern Russian punctuation]. Moscow, Vyssh. shk., 2004, 259 p.
- Dymarskiy M. Ya. Intonatsionnyy printsip russkoy punktuatsii i ego primenenie v formulirovках pravil [The intonation principle of Russian punctuation and its application in the wording of the rules]. In: *Yazyk i metod. Russkiy yazyk v lingvisticheskikh issledovaniyakh 21 veka. VII. Russkaya punktuatsiya v kommunikativnom aspekte* [Language and method. Russian language in linguistic studies of the 21st century. VII. Russian punctuation in the communicative aspect]. D. Shumska, K. Ozga (Eds.). Krakow, Jagiellonian Univ. Press, 2021a, pp. 23–33.
- Dymarskiy M. Ya. Eshche raz o sistemnosti punktuatsii [Once again on the systemic character of punctuation]. *Proceedings of the V. V. Vinogradov Russian Language Institute*. 2021b, no. 3, pp. 238–251.
- Kim I. E. Punktuatsiya “govoryashchego” i punktuatsiya “slushayushchego”: onomasiologicheskii i semasiologicheskii podkhod v punktuatsii [Punctuation of the “speaker” and punctuation of the “listener”: onomasiological and semasiological approaches in punctuation]. *Proceedings of the V. V. Vinogradov Russian Language Institute*. 2021, no. 3, pp. 252–259.
- Pravila russkoy orfografii i punktuatsii: Polnyy akademicheskii spravochnik* [Rules of Russian orthography and punctuation: A complete academic reference book]. Lopatin V. V. (Ed.). Moscow, 2009, 432 p. URL: <http://orthographia.ru> (accessed 24.12.2022).
- Rozental' D. E. *Spravochnik po pravopisaniyu i stilistike* [Reference book on spelling and stylistics]. Moscow, IK “Komplekt”, 1997. URL: <http://rosental-book.ru> (accessed 24.12.2022).
- Russkaya grammatika* [Russian grammar]. Shvedova N. Yu. (Ed.). Moscow, 1980, vol. 1, 784 p.
- Shvartskopf B. S. *Sovremennaya russkaya punktuatsiya: sistema i ee funktsionirovanie* [The contemporary Russian punctuation: the system and its functioning]. Moscow, Nauka, 1988, 191 p.
- Shmelev A. D. Voprosy punktuatsii v rabote Orfograficheskoy komissii Rossiyskoy akademii nauk: lingvisticheskie osnovy kodifikatsii [Issues of punctuation in the work of the Spelling Committee of Russian Academy of sciences: the linguistic basics of codification]. In: *Yazyk i metod. Russkiy yazyk v lingvisticheskikh issledovaniyakh 21 veka. VII. Russkaya punktuatsiya v kommunikativnom aspekte* [Language and method. Russian language in linguistic studies of the 21st century. VII. Russian punctuation in the communicative aspect]. D. Shumska, K. Ozga (Eds.). Krakow, Jagiellonian Univ. Press, 2021, pp. 15–21.

Shubina N. L. *Punktuatsiya v kommunikativno-pragmaticheskom aspekte i ee mesto v semioticheskoy sisteme russkogo teksta: Monografiya* [Punctuation in the communicative-pragmatic aspect and its place in the semiotic system of the Russian text: Monograph]. St. Petersburg, 1999, 297 p.

Информация об авторе

Михаил Яковлевич Дымарский, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры русского языка Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена, старший научный сотрудник отдела теории грамматики Института лингвистических исследований РАН (Санкт-Петербург, Россия)
Scopus Author ID 57131173400
WoS Researcher ID M-8002-2016

Information about the author

Mikhail Ya. Dymarsky, Doctor of Philology, Professor, Department of Russian Language, Herzen State Pedagogical University of Russia (Herzen University), Senior Researcher, Institute for Linguistic Studies, Russian Academy of Sciences (St. Petersburg, Russian Federation)
Scopus Author ID 57131173400
WoS Researcher ID M-8002-2016

*Статья поступила в редакцию 09.02.2023;
одобрена после рецензирования 09.03.2023; принята к публикации 09.03.2023
The article was submitted on 09.02.2023;
approved after reviewing on 09.03.2023; accepted for publication on 09.03.2023*